

КУРЬЁЗЫ СТИХИИ

*Ну что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода...*

Что значит, когда талантливый человек побывал в любом, казалось бы, обыкновенном месте? Это место вдруг засияет всеми цветами радуги, и человек через музыку и волшебные слова принимает на душу этот край, который становится для него родным и близким, благодаря воображению. У всех на слуху Нарьян-Мар, Вологда, Конаково, Комарово и так далее.

Сахалин мне нравится, и все шесть лет, после того как сюда приехал, я не устаю им восхищаться. Если смотреть по карте, остров очень похож на рыбу, так вот, где хвост, в самой середине, и стоит небольшой городок, в котором я проживаю.

К началу августа погода установилась хорошая, юг Сахалина в эти дни напоминает курорты Кавказа – буйное разнотравье, тёплое море Анивского залива... Правда

длится эта благодатная пора весьма короткое время, две–три недели.

По поверьям купальный сезон заканчивается второго августа после Ильина дня, и мы всей семьёй провели воскресенье на песчаном берегу между поселками Рыбацкое и Песчанское. А вечером заморосил дождь, и весь понедельник анивцы проходили под зонтами. Обычное дело для Сахалина.

В ночь на вторник в два часа зазвонил телефон. Я спросонку ответил, что внимательно слушаю. Звонила знакомая жены и жаловалась, что их заливают вода. Пообещав разобраться, я перезвонил дежурному в райисполком. Тот сообщил тревожную весть: от обильных дождей вода в реке поднимается, и надо всем быть начеку, особенно тем, кто живёт близко к воде.

Что мне быть начеку? Мы живём на четвёртом этаже, подвалов и сараев нет, а вот знакомая жены... Я тут же набрал её номер: «Вода поднимается, на всякий случай вещи

ставьте повыше, сами готовьте резиновые сапоги и место, где можно пересидеть».

– Ой, вода уже заливает комнату! Как нам... – И связь оборвалась. Телефон замолчал совсем.

Вскоре погас свет. Я пошёл на кухню, зажег свечку и хотел помыть руки – воды в кране не было. Шепнув жене, чтоб не будила детей, что бегу в райком – собирают по дождевой погоде, я быстро оделся и спустился к выходу. Вот где пригодились рыбацкие сапоги, скрывавшие все ноги полнотью. Не зря, оказалось, тесть подарил в один из праздников!

Распахнув двери в подъезде, я на минуту замер: весь двор был залит водой. Она уже подходила к последней ступеньке крыльца. Везде, насколько хватало луча фонарика, плескалась вода. Сапоги погрузились почти доверху, но двигаться было можно.

Работа была рядом, в двухстах метрах, но пару раз пришлось черпнуть сапогами воды. В райкоме собрались уже почти все сотрудники, кроме тех, кто жил подальше. Первый секретарь был необычно возбуждён и направил всех в райисполком, где будет работать штаб по борьбе со стихией.

В утренних сумерках появились силуэты домов, и фонарик был уже не нужен. Райисполком был недалеко, перед ним находилась ровная возвышенность размером с баскетбольную площадку, покрытая травой, на которой что-то шевелилось. Приглядевшись, мы ахнули: вся площадка была плотно заселена домашней живностью. Куры, овцы, собаки, кошки, гуси, коровы – кого только не было на этой площадке. Кто-то включил фонарик, и сразу вспыхнули сотни звёздочек светящихся глаз. На мгновение, фонарь осветил морды животных, поразившие нас ласково-виноватым выражением: мол, извините, вынуждены сюда забраться, нам некуда деться. В обычной жизни я и представить себе не мог, чтобы

на столь крохотном пятачке бок о бок мирно сосуществовали все эти твари. Вокруг коровы лежали собаки, кошки вперемежку с курами, утками, гусями. Пара куриц сидела на боку у лежащего поросёнка.

Более странной картины я не видел никогда. «Что же будет, если вода ещё поднимется?» – подумал я. – Как же опасность и общая беда сплачивают такую разношерстную компанию».

Вскоре заработал штаб, и каждому было выдано задание по устранению экстренной ситуации. Кто полетел на вертолёте спасать людей, кто на плавающих военных амфибиях развозил хлеб в недоступные посёлки, кто на лодках выискивал спрятавшихся на чердаках и крышах сараев испуганных жителей.

Что ещё удивило – никакой паники не было. Все действовали дружно, сообща. Связь была только по рации, но со всем островом, областным штабом, военными частями.

Когда заходили в штаб за очередным заданием, узнавали подробности. Рассказывали, как милиционер нырнул за ребёнком, выскользнувшим из рук матери в бушующий поток, и спас малыша. Горько было слышать, как вода уносила дома, гаражи, строения, магазинные склады, разрушала дороги, мосты, смывала картофельные поля с созревающим урожаем. Целые свиные комплексы разрушила стихия, и бедные животные погибали сотнями.

Главное, не было сведений о человеческих жертвах. Сказалась крепкая человеческая дисциплина, взаимовыручка и желание спасти всё, что можно. Повезло ещё со временем наводнения. Летняя вода, тёплый дождь не стали причиной ещё больших бед.

В один из моментов меня с группой военных направили спасать студенческий отряд в один из дальних уголков района на берег моря. Вертолёт преодолел расстояние

быстро, и мы увидели палаточный городок, целых и невредимых студентов, горящий костёр и с облегчением приземлились. Дождь уже перестал. Мы с удивлением обнаружили, что на фоне многочисленных бедствий здесь царит праздник. На костре жарится поросёнок, неподалёку стоит бочка пива, а студенты, усевшись вокруг костра, поют песни под гитару.

Когда разыскали командира отряда и стали упрекать за несоответствующую обстановку, тот бодро отчитался:

– Лагерь оказался на незатопленном месте у моря, утром под проливным дождём по реке поплыли доски, мебель, деревья, потом магазинная продукция: коробки с макаронами, конфетами, два бочонка пива. Как тут не выловить? Позднее поплыли свиньи, другие домашние животные. Удалось спасти несколько собак, кошек... А за шашлык уж простите. Не мародёрство – нужда. Связи нет, столовую

на краю посёлка смыло, не помирать же с голоду студентам!

Мы невольно рассмеялись.

– Молодцы, ребята! Вот вам рация, хлеб. Будьте на связи, всё для жизни у вас есть. Мы летим дальше, – произнёс командир группы.

Уровень воды первого дня больше не поднялся. На третий день дождь прекратился, вода стала спадать, и операция стала уже не спасательной, а восстановительной. Но вернёмся к нашему Ноеву Ковчегу, как мы все назвали островок с животными у райисполкома. Почувствовав, что можно спрыгивать на мокрую землю, вся живность пришла в движение, загавкала, зашипела и разлетелась, разбежалась по своим углам. Вот так, миновала опасность, и снова все по своим интересам, забыв о минутах единения, близости и кратковременной дружбы. Правда эти дни вряд ли впишутся в строчки песни «...на острове нормальная погода».

СКАРЛЕТТ И РУССКИЙ ПРОФЕССОР

Владимиру Михайловичу Мунипову посвящается

Самолёт покинул Шереметьево и постепенно набрал высоту. Стюардессы стали развозить напитки. Профессор решил, что небольшая порция красного вина способствует аппетиту после прохождения паспортного контроля, таможни и ожидания вылета. Захотелось «остановиться, оглянуться», как писал один из современников.

Время выдалось беспокойное, Москва приходила в себя после августовских бурь и потрясений. СССР оказался в опасной сейсмической зоне, новости из Прибалтийских республик, Украины и Белоруссии настораживали. Августовские события 1991 года взбудоражили весь мир. Но что-то новое проступало сквозь обычное.

Впервые не было проблем с выездом за рубеж. Не требовали характеристик, не

утверждали на комиссиях райкома кандидатуру отъезжающего. Быстро рассмотрели приглашение от «Общества человеческих факторов» в Атланту и выдали визу. И это в Соединённые штаты Америки! Куда мороки было больше, чем в любую другую страну.

Стюардесса протянула прозрачный стаканчик с вином, на минутку пригнувшись и невольно приоткрыв весьма привлекательный вырез в белоснежной кофточке. Взгляд оценил фигуру в целом и, точно факс, мозг выдал резюме – «хороша!»

«Чтобы понять, что женщина понравилась, нужно всего ноль целых шесть десятых секунды» – с улыбкой вспомнил Профессор одну из лекций известного психолога. Однако сразу перед глазами возникла жена, приехавшая провожать его в аэро-

порт после лекции в МГУ. С какой любовью он рассматривал её лицо, излучающее какой-то внутренний свет и радость от малейших его успехов. А сейчас впервые так легко прошло оформление в Атланту, где муж должен выступать с основательным докладом. «Надо привезти ей оригинальный подарок» – решил Профессор.

Вино оказалось обыкновенным «Каберне», но приятно прохладным. Когда случались командировки в южные республики в филиалы НИИ, где он служил заместителем директора по науке, местные ученые наперебой угощали самыми изысканными винами, нисколько не уступающими любым зарубежным образцам. Правда, в магазинах их нельзя было найти.

Конференция а Атланте обещала быть интересной. С возрастанием роли компьютеризации в жизни человека возможности эргономистов проводить научные исследования сильно расширились. Многие рабочие процессы, требующие длительных экспериментов, теперь можно смодулировать на компьютере и результаты немедленно пойдут на улучшение условий труда на конкретном рабочем месте.

Да... Тридцать лет прошли даром. Времена травли, непризнания, издевательских ярлыков о лженауке остались в прошлом. Наконец-то стали понимать, что новая техника ещё не всё, а важнейшим пунктом является то, как при работе с ней чувствует себя человек.

Над океаном пару раз самолёт попадал в зону турбулентности, и пришлось успокаивать соседку средних лет, летящую первый раз в жизни на самолёте. Когда объявили о посадке в аэропорту Кеннеди, Профессор успел пролистать путеводитель по штату Джорджия.

День выдался богатый на прилёты, очередь в паспортный контроль была внушительной. Рядом с контролёром в сопрово-

ждении сотрудника аэропорта появился знакомый американский профессор.

– Привет, мой московский друг! Идём с нами! – громким голосом произнёс он и заключил в объятия своего давнего соратника по науке.

Без труда учёные прошли все кордоны аэропорта и вскоре оказались в самолёте, следующем в Атланту. От экскурсии по Нью-Йорку Профессор отказался, так как времени было в обрез.

В Атланте их встречали известные учёные из Швеции и Японии. Профессору стало как-то даже неловко от такого дружеского внимания. Ему подумалось, что это, может, из-за напряжённой обстановки в СССР и их сочувствия и понимания.

В лимузине по дороге в гостиницу разговорились. Вдруг американский коллега обратился к Профессору:

– Разреши задать тебе бестактный и нескромный вопрос: какая у тебя зарплата?

– Пятьсот семнадцать рублей в месяц, – ответил Профессор.

– Стой! Стой! – хором воскликнули шоферу учёные, знающие, как взлетел курс доллара в СССР. Выбежали из машины и удивлённо затарахтели:

– Ты, известный в мире учёный, получаешь семнадцать долларов в месяц?! Это что? На чашку кофе?

Профессор пожал плечами, нет, не на чашку кофе, просто это была совсем недавно неплохая советская зарплата, министр столько получал, а сейчас инфляция, доллар подскочил до 30 рублей и всё пошло-поехало. «Пошло-поехало» на английский не переводилось, но друзья закивали головами сочувственно.

– Надеюсь, что скоро всё образуется! – бодрым голосом заключил Профессор, ещё не зная, в какую пропасть начала падать могучая советская наука.

Атланта находилась в своём лучшем

виде. Осенние краски природы в лучах уже нежаркого солнца навевали спокойствие и умиротворение.

День выступлений и докладов прошел успешно. Профессор с блеском прочитал доклад по вопросам инженерной психологии и дизайну в самолётостроении. Правда в конце выступления посыпались вопросы не по теме доклада, а о том, что происходит в СССР, и какова перспектива советской науки. Русский учёный постарался избежать отрицательных оценок происходящего и свёл всё к тому, что страна выходит из августовского кризиса и все надеются на лучшее.

Ему, учившемуся в МГУ в одно время с президентом страны и его супругой, до недавнего времени казалось, что наступили новые времена для науки и творчества, впервые началось формирование гражданского общества.

На следующий день группа учёных-эргономистов отправилась на автомобильный завод Форда. Профессор с любопытством наблюдал цикл производственных операций по сборке автомобилей. Вдруг его внимание привлекла неудобная поза рабочего, проверяющего сварной шов крыла колеса и кузова. Он машинально воскликнул:

– Зачем он так делает? Это можно делать гораздо проще! Рабочему надо просто принять другую позу и повернуться под небольшим углом к кузову автомобиля!

Ведущий экскурсию менеджер подошёл к Профессору, переспросил, попросил показать, записал его мысль и повёл группу дальше. В конце экскурсии попросил Профессора зайти к нему в кабинет. Довольный, что они могут обойтись без переводчика, ибо учёный неплохо владел английским, менеджер предложил ему контракт на один год работы на этом заводе.

– У вас будет хорошая квартира, годовая зарплата двести тысяч долларов.

– А что я буду делать? – спросил Профессор.

– Наблюдать за производством и задавать вопросы, подобные тому, какой вы задали сегодня в цехе. Завтра буду ждать от вас ответа.

Профессор знал, что ответ будет отрицательным, но всё же оставил его до завтра. Мастистые коллеги из других стран удивлялись, что этот русский учёный твёрдо стоит на своей позиции: работать только в родной стране. И даже сейчас, когда науку заштормило политическими вихрями, он с головой уходил в новые научные разработки, писал ценные статьи, подготовил со своим аспирантом первую в мире научно-популярную книгу «Популярная эргономика». Да, зарплату ему предложили в тысячу раз большую, чем он получает, но как не вспомнить высказывания академика Н.Я. Марра: «Как! Чтобы учёный спрашивал, сколько он будет получать жалованья? Какой же он тогда учёный?»

Третий день конференции предоставили участникам для отдыха. Профессору предложили посетить лучшие магазины и развлечения.

– Я бы хотел посетить музей Скарлетт, – получили ответ слегка удивлённые иностранные коллеги. Из них никто не побывал в этом музее, обычно находя «более серьёзные цели». Тем не менее, всё было организовано.

И вот на Персиковой улице показалось бело-бардовое трёхэтажное здание музея Маргарет Митчелл. Несколько американских учёных сопровождали Профессора на экскурсии сначала из уважения к нему, затем постепенно проникались интересной беседой экскурсовода и меткими вопросами русского коллеги, показавшего недюжинные знания американской литературы и в частности романа «Унесённые ветром». А когда перебрались в музей одноимённого

фильма, расположенный неподалёку, увидели экспонаты со съёмок, кадры из фильма, платья Вивьен Ли, романтическую атмосферу обстановки, да ещё совершили поездку в филиал музея «Дорога в Тару» с посещением особняка плантации Тара, бульвара Тары, перекрёстка Рэтта Батлера и Скарлетт, то уже вся компания была поклонниками знаменитого литературного шедевра.

– Ну, Профессор, удивили же вы нас! Давно так не отдыхали! – в один голос заявили экскурсанты. Кстати, в группе оказался и менеджер от завода Форда, который, несмотря на отказ Профессора, решил пообщаться с эргономистами и взял на себя организационные расходы.

Дорога домой выпала на воскресенье. Профессор окинул взглядом красивый вид

осенней Атланты с гостиничной площади и сел в лимузин рядом с сопровождающим американцем. Каково же было его удивление, когда в аэропорту его ждала вся группа, ездившая с ним по музеям Скарлетт. В день воскресного пикника редко кто расстаётся с семьёй или близкими, а тут все пришли попрощаться с русским Профессором.

– Мы решили тебя проводить и подарить на память статуэтку Скарлетт! – от имени всех проговорил американский коллега.

– Спасибо, друзья! – ответил растроганный Профессор. – Надеюсь, что когда-нибудь мы соберёмся у нас в Москве!

«А для жены теперь есть отличный подарок», – уже про себя подумал он с улыбкой.

Орёл. Библиотека им. И.А. Бунина. 2016 год..